

Свежие креветки, слегка отваренные в кипятке, поражали своей свежестью и сладостью мяса. Хрустящая свиная грудинка, сочная и ароматная, таяла во рту. Рис, тушенный с грибами, пропитался особым запахом леса, каждое зернышко словно вобрало в себя аромат дикой природы.

Мацутаке и боровики сильно отличались на вкус: первые были хрустящими, вторые — гладкими, и, если честно, Цинь Ся больше нравился вкус боровиков. Мацутаке лучше всего употреблять, пока они свежие. Блестящие зерна риса обволокло солоноватым маслом от колбасы, что придавало тушеному блюду невероятную многослойность вкуса.

Колбаса, которую сушили под потолком более двух недель, стала плотнее и насыщеннее на вкус по сравнению с тем, какой она была сразу после приготовления. Одна ложка риса с собранными ингредиентами дарила такой яркий аромат, что казалось, он взрывается прямо в голове. После этого даже свиная грудинка казалась слегка жирноватой.

Юй Цзюцюэ решил сделать паузу и направил палочки к креветкам.

Он заранее вымыл руки, затем взял одну креветку, обнаружив, что она уже не такая горячая, и начал осторожно чистить её кончиками пальцев. Однако креветки были слишком маленькими, и складывалось ощущение, что, потратив на чистку массу времени, в итоге ты получаешь мяса лишь на ползуба.

Когда на пустой тарелочке накопилось несколько креветок, Юй Цзюцюэ не стал сразу их есть, а пододвинул тарелку к Цинь Ся.

— Муж, ешь креветки.

Цинь Ся уже некоторое время краем глаза наблюдал за старательным процессом чистки. Было видно, что Юй Цзюцюэ не особо умеет это делать. На фарфоровой тарелке несколько маленьких креветок уютно свернулись в крохотные спиральки, казавшиеся очень милыми.

— Ешь вместе со мной, — сказал Цинь Ся, переложив несколько креветок в чашку Юй Цзюцюэ.

Когда тот закончил, Цинь Ся сказал:

— Я научу тебя способу есть креветки, не запачкав рук.

С этими словами он принялся демонстрировать. Юй Цзюцюэ не отрывал взгляда, удивленно наблюдая, как его муж управляется с креветками так же легко, как с семечками: одним укусом и легким движением мякоть креветки полностью оказывалась во рту, а панцирь оставался целым!

Юй Цзюцюэ был потрясен:

— Муж, как ты это делаешь?

У всех ведь одинаковые рот и зубы, как же кому-то удается так ловко справляться?

Глядя на слегка растерянное лицо Юй Цзюцюэ, уголки губ Цинь Ся слегка приподнялись в улыбке. Он взял целую креветку и указал на место на спине.

— Кусай здесь. Когда спинка креветки треснет, можно будет легко вытащить всё мясо целиком.

Однако этот способ подходит только для свежих креветок. Если они были заморожены, мясо легко ломается внутри.

Юй Цзюцюэ последовал примеру и вскоре уже освоил технику. С новым умением огромная тарелка креветок быстро опустела, а перед обоими выросли горки панцирей. В морозный зимний день устроить пир из креветок — это настоящее наслаждение. А если к ним добавляется хрустящая свиная грудинка и ароматный рис с грибами и колбасой, то такая трапеза и вовсе становится роскошной.

Когда Юй Цзюцюэ еще доедал последнюю порцию риса из кастрюли, Цинь Ся незаметно коснулся своего живота и понял, что наелся до предела.

Он поднялся, чтобы попробовать...

— Уже вполне достаточно, — заметил Цинь Ся. — А-Цзю, сможешь ли ты съесть еще немного юаньсяо?

По традиции в праздники всегда полагается есть юаньсяо. Утром их приготовить не успели, вечером будет уже слишком поздно, так что обед оказался как раз подходящим временем.

Юй Цзюцюэ сжал губы, сдержанно ответив:

— Думаю, смогу съесть немного.

— А сколько это «немного»?

Гер немного подумал и сказал:

— Штук десять... думаю, столько еще войдет.

На деле Цинь Ся сварил двадцать юаньсяо. Сам он с трудом осилил пять штук, почувствовав,

что это уже перебор, а оставшиеся пятнадцать достались Юй Цзюцюэ.

Юаньсяо с черным кунжутом были ароматными, сладкими и нежными, идеально подходили в качестве десерта после плотного обеда.

Завершив трапезу бульоном от варки юаньсяо, Цинь Ся только и подумал, что сытый Юй Цзюцюэ напоминает ему большой мягкий пельмень из клейкого риса.

Солнечные лучи проникали через оконные переплеты, и молодой человек медленно моргнул, тихо зевая.

□□.....

После обеда.

Цинь Ся отнес коробки с юаньсяо в дома семьи Лю и семьи Вэй, вернувшись с двумя подарками. Один из них был сделан Фан Жун — это была кроличья шапка, а второй — ответный дар семьи Вэй, копченая рыба.

Зайдя на кухню, Цинь Ся повесил рыбу на балку, а завернутую в ткань шапку унес в дом. Дверь в комнату с протяжным скрипом открылась. На коврик в зале крепко спал Дафу, свернувшись так, что голова совсем скрылась из виду.

В доме было тихо. Цинь Ся, стараясь не шуметь, заглянул в комнату и увидел Юй Цзюцюэ, сидевшего на низкой кровати у стены. Он снял верхнюю одежду, прикрылся тонким одеялом и дремал.

Если Юй Цзюцюэ спал, Цинь Ся не собирался его беспокоить, но, увидев его позу, невольно нахмурился. Переступив через порог, он заметил, как Юй Цзюцюэ сонно приоткрыл глаза.

— Муж, ты когда вернулся? — пробормотал он, протирая глаза.

Он отбросил одеяло в сторону, но Цинь Ся снова аккуратно натянул его.

— Почему не ляжешь нормально? Так ведь шея заболит.

От Цинь Ся, только что вернувшегося с улицы, веяло зимней прохладой. Юй Цзюцюэ, чувствуя его близость, окончательно проснулся.

— Я не собирался спать. Только что поел, боялся, что еда не переварится, если сразу лечь. Но веки слипались, вот и решил немного вздремнуть.

Цинь Ся, перед тем как выйти из дома, тоже чувствовал сонливость от сытости, но холодный ветер на улице полностью привел его в чувство.

— Раз уж не спишь, посмотри, что для тебя сделала крестная мать, — с улыбкой сказал он, подавая маленький узелок.

Юй Цзюцюэ с нетерпением развязал узел.

— Это кроличья шапка? Крестная так быстро сшила ее!

Улыбка засияла на его лице, он нежно провел рукой по мягкому белоснежному меху.

Шапка была сделана в виде головной повязки, поэтому в центре изделия была предусмотрена серебряная застежка, чтобы закреплять пушистые полосы меха.

Ранее, проходя мимо ювелирной лавки, они специально выбрали изящную серебряную застежку, которую Фан Жун, получив на руки, назвала настоящей красотой.

Теперь, после того как застежка была пришита к повязке, она стала особенно заметной и придавала изделию изысканный вид.

— Сегодня вечером, хоть нам и предстоит выйти на улицу, праздник есть праздник. Надень это, чтобы не продуло холодным ветром, — сказал Цинь Ся.

Однако Юй Цзюцюэ колебался.

— Если вдруг попадут капли масла, будет так жаль. Лучше я надену свой обычный платок.

Подумав, Цинь Ся признал, что такая вероятность действительно есть, и слегка огорчился.

Юй Цзюцюэ, заметив это выражение на его лице, которое тот даже не пытался скрыть, остановился, собираясь положить повязку на место. Немного поразмыслив, он передвинул шапку ближе к руке Цинь Ся.

— Муж, помоги мне надеть... Просто примерим, ладно?

Цинь Ся с радостью согласился. Он развернул меховую повязку, пока Юй Цзюцюэ усаживался у туалетного столика и поднимал перед собой бронзовое зеркало.

Повязку обернули вокруг головы, соединили края на лбу и закрепили серебряной застежкой. Белоснежный кроличий мех слегка шелхнулся под дуновением воздуха, поднятого движением

руки Цинь Ся. В зеркале отразилось прелестное лицо, тонкое, словно орхидея, и нежное, как нефрит.

Почувствовав, как на него смотрят, Юй Цзюцюэ, слегка смущаясь, отвел взгляд от зеркала.

— В доме в ней немного жарко. Лучше уберем её пока. Когда пойду к крестной матери, обязательно надену, чтобы показать, — произнес он.

Не будучи мастером шитья, Юй Цзюцюэ считал, что раз Фан Жун так постаралась, нужно непременно надеть вещь в знак уважения.

Цинь Ся уже привык к тому, как легко Юй Цзюцюэ смущается, и не удивился его реакции.

Однако, размышляя о словах из книг, описывающих этот характер, он не мог не отметить разительное различие между тем, кто сидел перед ним, и образом в этих строках:

один был кротким и ласковым, другой — решительным и бескомпромиссным.

Они диаметрально противоположны, но это явно один и тот же человек.

Вздых, ещё не родившись, растаял в воздухе. Цинь Ся понял, что лучше наслаждаться каждым мгновением, проведённым с Юй Цзюцюэ, чем беспокоиться о том, что однажды они могут расстаться. Так, оглядываясь назад, он не почувствует сожаления.

Убрав шапку, Цинь Ся не спешил идти на кухню. Вместо этого он остался с Юй Цзюцюэ, и вместе они, не раздеваясь, прилегли на теплый кан, чтобы немного подремать.

□.....

После обеда, около четырёх часов.

Чжэн Синхуа, неся на спине сотню новых коробок из промасленной бумаги, подошла к порогу дома семьи Цинь и постучала в дверное кольцо. Согласно договорённости, сегодня был её последний рабочий день в этом доме. Из-за этой мысли Чжэн Синхуа уже две ночи подряд плохо спала.

За прошедший месяц она не только накопила немного серебра благодаря этой работе, но и, что особенно ценно, получила оплату даже за праздничные дни, когда работы не было.

Такую хорошую возможность, вероятно, больше не найти. Держась этой мысли, она решила поговорить с хозяевами, чтобы предложить им продолжить поручать её семье изготовление

бумажных коробок. Это хоть немного, но обеспечило бы дополнительный доход.

С этими мыслями она приветливо улыбнулась, когда дверь ей открыл Юй Цзюцюэ, и, слегка взволнованная, вошла внутрь.

— Сестра Чжэн, сегодня вечером мы будем продавать юаньсяо. Нужно будет потрудиться вместе с нами, — сказал Цинь Ся, занятый приготовлением множества ингредиентов для вечерней торговли.

Чжэн Синхуа, как обычно, пришла на две четверти часа раньше. Она поставила корзину на пол и, взглянув на стол с подготовленной кунжутной начинкой и рисовой мукой, закатала рукава:

— Не беспокойтесь, юаньсяо я раньше уже делала.

Эти слова успокоили Цинь Ся. Он уступил ей место, а затем вместе с Чжэн Синхуа начал переставлять все, что было связано с приготовлением юаньсяо, чтобы освободить пространство для других блюд. Маринованные куриные каркасы, жареные булочки-шэнцзянь, пятицветные пирожные Бочжайгао, ингредиенты для молочного чая...

Сегодня Цинь Ся решил не продавать кисло-острую лапшу, так как в печи не хватало места, чтобы её готовить. Однако и без лапши дел хватало с избытком — они с трудом успевали бегать по кухне, едва не сбивая друг друга.

Дафу, пробежав несколько кругов вокруг них и не получив внимания, разумно удалился в свой угол, свернулся в гнездышке и уснул.

К концу вечера все ингредиенты были, наконец, подготовлены. Большая миска с пятьюдесятью маринованными куриными каркасами, пять полных бамбуковых пароварок с пятицветными пирожными, тридцать порций миниатюрных жареных булочек-шэнцзянь, свежеприготовленные юаньсяо и большой кувшин с молочным чаем — всё это уже ожидало своего часа.

На кухне стояла теплая, почти весенняя атмосфера, и все трое изрядно вспотели.

Когда приготовления были почти завершены, Чжэн Синхуа вынула из кармана платок, чтобы вытереть пот со лба, но её окликнул Юй Цзюцюэ.

Сложив использованный платок и убрав его обратно в рукав, она быстро вышла.

— Молодой хозяин, вы меня звали?

Сначала, когда она только пришла работать, она называла Цинь Ся хозяином, а Юй Цзюцюэ —

супругом хозяина. Но позже Цинь Ся заметил это и попросил её называть Юй Цзюцюэ «молодым хозяином». Это показывало, что между ними нет различий в статусе, а приставка «молодой» добавлялась только для удобства различия.

Юй Цзюцюэ стоял у двери зала и махнул рукой Чжэн Синхуа.

— Сестра Чжэн, подойди, пожалуйста.

Чжэн Синхуа потерла пальцы, осознавая, что настал момент рассчитаться за работу.

В зале.

Цинь Ся не был здесь — обычно за деньги и бухгалтерию отвечал Юй Цзюцюэ.

Чжэн Синхуа не умела читать, но однажды мельком видела его аккуратно исписанную книгу учета. Его почерк был красивым и четким.

— Сегодняшняя плата за работу — 20 вэнь, плюс 10 вэнь за масляные бумажные коробки, всего 30 вэнь, — сказал Юй Цзюцюэ.

Он отсчитал тридцать монет, ловко продел их через короткую веревку, завязал узел и передал Чжэн Синхуа.

Месяц назад они подписали договор, согласно которому Чжэн Синхуа работала до Праздника фонарей, то есть завтра ей уже не нужно было приходить. Согласно изначальному плану, после праздника семья Цинь должна была приступить к подготовке нового заведения и продолжить нанимать Чжэн Синхуа для помощи. Но из-за задержек с помещением этот план пришлось отложить.

Тем не менее, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ решили предупредить Чжэн Синхуа заранее.

— Спасибо тебе за труды в последнее время. Работа в нашем доме тебя устроила? — с улыбкой спросил Юй Цзюцюэ, откладывая счета.

Чжэн Синхуа крепче сжала тяжелые монеты в ладони и натянуто улыбнулась.

— Конечно, устроила. За все эти годы я поработала у многих, но вы двое — лучшие хозяева, которых я встречала.

С этими словами она набралась смелости и произнесла заготовленную дома речь:

— Хотела бы осмелиться спросить вас, молодой хозяин: не понадобится ли вам и дальше помощь с изготовлением бумажных коробок? Даже за меньшую плату — неважно.

Она надеялась на добросердечность хозяев и была уверена, что они согласятся. Но Юй Цзюцюэ покачал головой.

— В этом больше нет необходимости. После сегодняшнего мы больше не будем заниматься ночной торговлей. Днем нам не понадобится так много коробок, и в свободное время мы сами можем их сложить.

— Вот как... — тихо сказала Чжэн Синхуа, опустив взгляд.

Представив, как дома её встретят разочарованные лица свекра и свекрови, она почувствовала легкую горечь.

В этот момент Юй Цзюцюэ заговорил снова:

— На самом деле, сегодня я хотел обсудить с тобой ещё одну вещь.

Эти слова пробудили в Чжэн Синхуа едва заметную надежду.

— Говорите, пожалуйста.

Юй Цзюцюэ мягко улыбнулся и продолжил:

— Ты, наверное, слышала, что мы арендовали место на улице Баньцяо, чтобы подкопить денег на аренду помещения и открытие нового заведения. Пока вопрос с помещением не решен, но, скорее всего, это произойдет в течение следующего месяца. Тогда не хотела бы ты снова прийти к нам и помочь на кухне? Рабочий день будет полный, с утра до вечера, оплата ежемесячная. Питание включено — обед и ужин.

Он немного подумал и добавил:

— Размер оплаты пока точно назвать не могу, но она точно будет не меньше нынешней.

Сердце Чжэн Синхуа забилось чаще — словно за поворотом внезапно открылась светлая дорога! Она сразу же ответила:

— Конечно, хочу! Как только вы со старшим хозяином скажете, я готова прийти в любое время!

— Прекрасно, — с облегчением сказал Юй Цзюцюэ, видя её энтузиазм.

За всё это время он и Цинь Ся успели оценить трудолюбие и проворство Чжэн Синхуа. Она оказалась честным и добрым человеком, которому можно доверять.

Когда их заведение откроется, дополнительная пара рук будет точно нужна. Лучше позвать знакомого человека, чем искать нового и тратить время на привыкание.

— Тогда договорились. Когда у нас будет назначена дата открытия, я навещу крестную и попрошу её сообщить тебе.

Чжэн Синхуа радостно закивала, многократно благодаря его.

Юй Цзюцюэ проводил её до дверей зала, и в этот момент из кухни вышел Цинь Ся с корзиной в руках. Чжэн Синхуа сразу узнала свою корзину — она принесла её утром, чтобы после работы забежать за продуктами. Быстро подойдя, она сказала:

— Простите за беспокойство, хозяин, можете просто передать её мне.

Она предполагала, что Цинь Ся просто забрал корзину, проходя мимо, но, взяв её в руки, заметила, что корзина тяжёлая. Откинув ткань, она с удивлением обнаружила, что внутри лежит порция юаньсяо и несколько пятицветных пирожных.

— Хозяин, что это?

Увидев изумление на её лице, Цинь Ся мягко пояснил:

— Пусть сегодня и последний твой рабочий день, но праздничный подарок должен быть. Отнеси это домой и раздели с семьёй. Что касается нашего будущего заведения, думаю, А-Цзю уже тебе рассказал. Надеемся, что нам снова доведётся работать вместе.

Чжэн Синхуа поняла, что хозяин говорит искренне. Это был не жест вежливости, а то, что в доме Цинь считали должным — своего рода «пособие» для работников.

Она не стала долго отказываться, но даже когда покинула дом семьи Цинь и шла по переулку, всё ещё находилась в лёгком ступоре. Если она действительно сможет работать в их заведении, то даже при нынешней оплате это составит шесть серебряных цяней в месяц. А ведь молодой хозяин обещал, что плата будет выше. К тому же обедать и ужинать она сможет прямо в заведении, а значит, расходы на питание дома можно будет сократить.

Чем больше она об этом думала, тем сильнее было её волнение, и ноги словно сами несли её быстрее.

Она даже ни на минуту не усомнилась, что заведение семьи Цинь сможет открыть двери. С такими кулинарными умениями старшего хозяина можно было не просто открыть заведение — потом туда, вероятно, и за столиком будет не протолкнуться.

Она поспешила домой, чтобы скорее рассказать эту радостную новость свекрам и младшей золовке!

После того как Чжэн Синхуа ушла, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ быстро поужинали. Наполнив желудки, они начали по очереди переносить вещи на тележку. Сегодня вечером на улицах наверняка будет море людей, и они решили выйти чуть раньше, чем обычно, чтобы не застрять в толпе и не оказаться в безвыходном положении.

Деревянные колеса тележки оставляли глубокие колеи на земляной дороге. В ночь Праздника фонарей всё вокруг сияло огнями.

Идя по дороге от переулка Фужун до улицы Баньцяо, Цинь Ся не мог не вспомнить строки из известных стихотворений: «Огненные деревья и серебряные цветы, рынок на Праздник фонарей светел, как днём. Луна словно иней, звёзды серебрятся в небесной реке».

Некоторые традиции, пережившие тысячелетия, в современных городах стали редкостью и утратили былую значимость. Только вернувшись в этот момент прошлого, можно понять, насколько важен был Праздник фонарей для древних людей, чья повседневная жизнь была лишена развлечений. Даже те, кто обычно редко выходил из дома — знатные девушки и юноши, — сегодня отправлялись на улицы любоваться фонарями в сопровождении слуг.

У входов в переулки повсюду можно было видеть людей с разноцветными фонарями. Дети тащили за собой фонари в форме кроликов на колёсиках или катали круглые фонари, весело бегая и смеясь.

— Осторожнее!

— Простите! Простите!

Несколько детей пробежали мимо, во главе с мальчиком, высоко поднявшим фонарь в форме рыбы. За ними, осыпая извинениями прохожих, которых дети случайно задевали, с невольной улыбкой бежали взрослые.

Цинь Ся вдруг вспомнил, как когда-то читал «Сон в красном тереме», где одна из героинь, Сянлин, потерялась именно во время Праздника фонарей. Взглянув на носившихся вокруг детей, он задержал взгляд, словно опасаясь, что кто-нибудь из них также может пропасть.

Что сказать: то ли родители слишком беспечны, то ли в уезде Цинань действительно такая хорошая безопасность, что ни одного похитителя детей не встретишь?

Юй Цзюцюэ, шедший с другой стороны тележки, заметил, как его муж смотрит на игривую детвору. Он решил, что Цинь Ся, должно быть, очень любит детей, ведь его лицо совсем не выражало раздражения, как у многих прохожих.

Однако Юй Цзюцюэ ошибся: их мысли оказались совершенно разными и никак не пересекались.

Сегодня они не шли вместе с Лю Доуцзы, а выбрали другую дорогу, чтобы избежать толп людей, пришедших любоваться фонарями. По пути они прошли мимо небольшой реки, пересекавшей уезд. Каменный мост, перекинутый через реку, украшенный гирляндами и фонарями, сиял в праздничную ночь ярче, чем обычно.

Вскоре до них донёлся громкий звук барабанов.

— Это команда танцоров льва!

— Смотри, танец льва начинается!

В праздничную ночь в городе можно было увидеть не только всевозможные цветочные фонари, но и представления с танцами льва.

Услышав барабаны, Цинь Ся и Юй Цзюцюэ невольно остановились и подняли головы, чтобы посмотреть. Команда танцоров льва приближалась с другой стороны моста. Их движения были энергичными и ловкими. Достигнув самой высокой точки моста, танцоры остановились, чтобы исполнить акробатические трюки. Сначала они выстроились друг на друга, затем начались прыжки, перевороты через скамьи и даже трюк, где «маленький лев» карабкался по бамбуковому шесту!

Вокруг слышались восхищённые возгласы и громкие аплодисменты. Цинь Ся подумал, что если бы они были чуть ближе, он бы непременно бросил несколько монет в знак признательности.

После команды танцоров льва появилась группа нарядно одетых женщин и мужчин.

Цинь Ся, черпая из воспоминаний своего тела, понял, что это участники ритуала «Прогнать болезни».

«Прогнать болезни» — это обычай Праздника фонарей в эпоху Даюн, особенно распространённый на севере. Участники начинали свой путь утром, проходили через весь город, пересекали каждый мост, молились у всех храмов и в конце достигали городских ворот, чтобы «прикоснуться к гвоздям». Говорили, что прикосновение к большим гвоздям на воротах в этот день приносило благополучие и процветание семье, а также помогало обрести детей. Поэтому в шествии участвовали в основном замужние женщины и геры.

Несколько соседей и знакомых подходили к Юй Цзюцюэ за последние дни с предложением присоединиться, поскольку после успехов Цинь Ся многие начали искать с ними дружбы. Однако Юй Цзюцюэ вежливо отказался, сославшись на занятость вечерней торговлей.

Сам обряд казался ему хорошей традицией, но перспектива идти в толпе незнакомых людей его совсем не радовала. Ему гораздо приятнее было остаться рядом с Цинь Ся, даже если это означало, что вечер будет наполнен работой. Всё равно сердце было полно тепла.

После долгого пути, который занял чуть больше обычного из-за толпы, они наконец добрались до улицы Баньцяо.

Едва успев разложить свой ларёк и зажечь фонарики по бокам, они тут же оказались окружены людьми.

— Босс Цинь, наконец-то вы пришли!

— Что сегодня из нового?

— Смотрите, а я говорил, что ларёк семьи Цинь сегодня точно будет продавать юаньсяо! Давайте мне две чашки, как вы их продаёте?

Вокруг ларька собрались знакомые клиенты, а за ними любопытные прохожие, привлечённые шумом. Однако, подходя ближе, они замечали фонари с надписью «Цинь» и понимали, что это тот самый знаменитый ларёк, о котором они слышали.

Многие знали, что если прийти поздно, можно остаться ни с чем, так что некоторые специально приходили заранее, чтобы выбрать всё, что хотели.

Среди общего гомона Цинь Ся услышал, как кто-то угадал, что они будут продавать юаньсяо, и громко объявил:

— Да, сегодня у нас действительно есть юаньсяо! Но, думаю, это не совсем то, что вы ожидаете.

— Что с ними может быть не так?

— Наверное, у них необычная начинка?

— Да не томите, босс Цинь, просто скажите, сколько стоит порция!

Ответ вскоре стал очевиден.

Цинь Ся действительно поставил на огонь большую железную кастрюлю, но вместо воды туда наливал масло!

Обычно юаньсяо готовят в кипящей воде, а тут их собирались жарить в масле!

Некоторые из присутствующих догадались первыми:

— О, так это, выходит, жареные юаньсяо!

Юаньсяо можно жарить?

Пока большинство удивлённо переглядывались, первая партия юаньсяо уже отправилась в раскалённое масло.

<http://bllate.org/book/13601/1206043>